

— О, сколь же удивителен мир! И сколь удивительно мало мы, люди, в нем живущие, знаем об этом мире!

— Эти слова, друг мой, чистая правда... Ибо сколь бы ни были обширны наши представления о мире, но они — меньше ничтожной песчинки в огромной пустыне неизвестного...

— Скажи мне, почтеннейший, — прости, если я невежлив, — как мне найти мудрейшего Маруфа-башмачника?

Сапожник оторвался от истертых башмаков собеседника и ответил:

— Увы, почтеннейший, сейчас здесь ты его не найдешь... Наш город велик и прекрасен, но Маруф, да дарует ему Аллах годы мудрости без счета, не любит его, как не любил ни дня, когда жил здесь, в пре-

красном как сон и щедром, как сама природа, Багдаде...

Лицо посетителя вытянулось.

— Я вижу, уважаемый, что ты разочарован...

— О да, почтенный башмачник. Когда я увидел тебя, я отчего-то решил, что ты и есть тот самый Маруф, о котором идет молва как о Маруфе, который знает обо всем на свете.

— Увы, друг мой, я всего лишь Мустафа. Пока никто не понял, что я знаю столь же много, как уважаемый и далекий Маруф...

— Столь же много, достойнейший?..

Мустафа скромно потупился. Его же собеседник, без сомнения, обрадованный этими словами, уселся поудобнее и зачем-то достал из обширной сумы калам и пергамент.

— Но если так, о умнейший из башмачников, быть может, ты поведаешь мне какую-нибудь притчу? Или сказку? Или историю, в правдивости которой может сомневаться лишь тот, кто вовсе не знает о том, сколь бесконечно разнообразен и удивителен мир?

Мустафа поднял на собеседника глаза, и тот удивился их яркой молодости и мудрости.

— Ну что ж, почтенный странник, я с удовольствием расскажу тебе одну историю... Хотя, быть может, и не одну...

— О умнейший из умнейших, я готов разбить шатер прямо здесь, рядом с твоей

мастерской! И услышать от тебя дюжину дюжин историй...

— Должно быть, ты, уважаемый, охотник до сказок?

— Да, мой друг, я охочусь за сказками и преданиями, притчами и правдивыми историями... Меня зовут Абуль-Фарадж Бар-Эблей, и некогда, еще совсем малышом, я решил, что всю жизнь буду читать лишь сказки... Вот поэтому, даже став взрослым, я ищу тех, кто хранит знания и мудрость, и внимаю их историям...

— И записываешь их?

— И записываю, — кивнул странник. — Ибо мечтаю сохранить на пергаменте все то, что сейчас бережет лишь память людская. Чтобы и через сотни лет дети, да и взрослые всего мира, не уставали радоваться смекалке и хитрости, изворотливости и героизму, храбрости и трусости... Всему тому, что движет человеком.

— Эта достойнейшая, но, боюсь, невыполнимая задача, уважаемый! — проговорил Мустафа, откладывая и молоточек, и уже — о чудо — починенный башмак.

— Ну что ж... Пусть задача и трудна, но это же не значит, что решить ее невозможно. Я лелею надежду, что, когда моя рука откажется держать калам, найдется тот, кто продолжит дело моей жизни.

— И да будет судьба милостива к нему!.. Так что же тебе рассказать, почтенный Абуль-Фарадж?

